

---

## О ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНІЯ. ОТВѢТЪ ПРОТ. В. ЛАВРСКОМУ.

Я гдѣ-то читаль о томъ, какъ одинъ путникъ, застигнутый зимой стаей волковъ, сталъ прислонившись къ дереву, прикинулся мертвымъ и такъ простоялъ неподвижно нѣсколько времени. Волки, обнюхавъ его, убѣжали. Но сдѣлай онъ одно движеніе, они его растерзали бы.

Этотъ человѣкъ, стоящій неподвижно на унылой однообразной снѣжной равнинѣ, всегда вспоминается мнѣ, когда я думаю о нашемъ богословіи. Такъ уныла и однообразна его неподвижность. Сколько нетронутыхъ вопросовъ, остающихся въ своей первобытной дѣвственности, сколько невыясненнаго, туманнаго! Но сдѣлай какой-нибудь богословъ одно только движеніе мысли, возымѣй онъ дерзкое намѣреніе что-нибудь освѣтить, уяснить; какъ вдругъ на него бросается стая критиковъ, готовыхъ его растерзать. Какъ тараканы изъ щелей, выползаютъ какія-то неизвѣстныя въ богословской литературѣ имена, выползаютъ грозныя, гнѣвныя на то, что побезпокоили ихъ болотное царство, потревожили ихъ непробудный сонъ. Эти критики обычно вооружены такъ, какъ будто они ограбили археологическій музей: такъ все у нихъ затхло, дрябло. Но болѣе всего стрѣлъ они берутъ изъ колчана семи смертныхъ грѣховъ, при чемъ самое излюбленное ихъ орудіе—ложь и клевета.

По поводу моей статьи въ Бог. Вѣстн. (1903 г. Май) о Христовомъ воскресеніи, прот. В. Лаврскій бросилъ рѣзкое, обидное для моей чести и для чести академическаго журнала, обвиненіе, что будто я отрицаю дѣйствительность Христова воскресенія. Это—клевета!

Прот. В. Лаврскій (Мисс. Об. 1904 № 7) пишетъ (стр. 769): „..... лишилъ насъ ученый богословъ вѣры въ дѣйствительность Христова воскресенія! Или и въ самомъ дѣлѣ подрываетъ вѣру въ воскресеніе г. Тарѣвъ въ статьѣ своей, оставляя намъ лишь надежду на продолженіе личнаго бытія по смерти, а воскресеніе—даже и воскресеніе Христова—представляя только кажущимся, мнимымъ? Вѣдь есть-же въ настоящее время и философы, и богословы такіе, что говорятъ о Богѣ, о безсмертіи души, а на самомъ дѣлѣ ни личнаго Бога, ни личнаго безсмертія, ни даже самой души не признаютъ“.

Характерны эти послѣднія слова о философахъ и богословахъ. Не слышится ли въ нихъ голосъ инквизитора, уловившаго скрытую секту, духовнаго слѣдователя, котораго не проведешь? „Вы говорите, что вѣруете въ Бога, въ безсмертіе души... Хе-хе... Насъ не обманете. Намъ доподлинно извѣстно, что *на самомъ дѣлѣ* вы не признаете ни Бога, ни личнаго безсмертія“... Какое недовѣріе человѣку, какое чтаніе между строками, какое заглядываніе на задній дворъ!

Много еще придется терпѣть нашей богословской наукѣ отъ такой критики...

На той же и слѣдующей страницѣ прот. Лаврскій пишетъ: „Повидимому проф. Тарѣвъ не намѣренъ былъ входить въ изслѣдованіе собственно о воскресеніи; *наша проблема не метафизическая, а нравственная*, говоритъ онъ. Не самое воскресеніе, а *смыслъ воскресенія Христова и сущность его значенія* составляютъ предметъ его богословскаго изслѣдованія. Однако же (и т. д.)... Не безъ намѣренія Тарѣвъ выражается: *воззрѣніе по предмету*, а не воззрѣніе на предметъ; этимъ онъ хочетъ, кажется, какъ бы подчеркнуть, что его занимаетъ не ученіе о воскресеніи, а ученіе о значеніи и смыслѣ воскресенія, такъ что и односторонность и даже ложь, которыя онъ обличаетъ, относятся не къ вѣрѣ въ воскресеніе а лежатъ уже въ области выводовъ изъ факта. Но на самомъ дѣлѣ“ (и т. д.)...

Какъ все ясно! какъ наглядны приемы критики! Вѣдь сказано авторомъ, что его проблема нравственная, а не метафизическая, но критикъ этому не довѣряетъ, онъ навязываетъ автору догматическія задачи. Примѣи онъ мои слова за то, за что я ихъ выдаю, у него не будетъ повода обви-

нять меня въ догматической области. И вотъ прот. Лаврскій навязываетъ мнѣ мотивы и сокровенныя мысли, надъ которыми затѣмъ и упражняетъ свое критическое остроуміе.

На стр. 772 прот. Лаврскій пишетъ: „Въ изложеніи просто-народной метафизики воскресенія... что составляетъ традиціонно-догматическое изложеніе вѣры въ воскресеніе, незблемое г. Тарѣвымъ въ его изслѣдованіи, и гдѣ начинается грубо-антропоморфное, іудейско-чувственное пониманіе догмата о воскресеніи, г. Тарѣвъ, къ сожалѣнію, не отдѣлилъ. Приходится читателю его статьи самому разыскивать“ (и т. д.)...

Вотъ въ томъ и бѣда, что писаніе прот. Лаврскаго не есть ученая критика, а консисторскій розыскъ, и проще сказать—лжесвидѣтельство. Есть у меня въ статьѣ всѣ нужныя указанія: названо у меня и то, что я считаю крайностью чувственнаго воззрѣнія, и что его умѣреннымъ изложеніемъ. Мое изслѣдованіе въ этой части направлено противъ модной новопутейской теоріи святого сладострастія. „Въ наличности такого мнѣнія, писалъ я, мы имѣемъ сильнѣйшій мотивъ съ особою настойчивостью раскрывать мысль о *духовности, или духовной тѣлесности*, воскресшаго Христа... Говорить о плоти воскресшаго Христа въ связи съ разсужденіями о святомъ сладострастіи, или, по крайней мѣрѣ, о святомъ язычествѣ съ его наукой, искусствами, культурой,—говорить о плоти воскресшаго Христа въ оправданіе этихъ разсужденій значить, съ экзегетической точки зрѣнія, говорить не то, что безосновательно, а въ поразительно-грубое противорѣчіе съ словомъ Божіимъ“ (стр. 18. 20). Почему же мой почтенный критикъ умолчалъ объ этомъ мотивѣ моихъ разсужденій? Довольно ясно, почему. Ему не хотѣлось оказаться въ положеніи явныхъ защитниковъ святого сладострастія.

На стр. 773 прот. Лаврскій приводитъ значительную выдержку изъ моей статьи (хотя съ нежелательными для меня сокращеніями): „намъ обѣтовано духовное тѣло, какъ вполне соответствующее духовной божественной жизни. Смертью и воскресеніемъ Христа снимается съ человѣка тяжесть смертнаго тѣла (Римл. VII, 24)... Пусть это будетъ не окончательное уничтоженіе тѣла, но преобразование нашего уничтоженнаго тѣла сообразно славному тѣлу Христа (Филип. III, 21) и мы будемъ имѣть вмѣсто тѣла душевнаго тѣло духовное (1 Кор.

XV, 44), такъ что нельзя говорить о нашей абсолютной безтѣлесности по воскресеніи; но несомнѣнно, что наше воскресшее тѣло не будетъ имѣть въ себѣ ничего матеріальнаго, если только этому слову придавать реальное значеніе“...

За эту выдержку большое спасибо прот. Лаврскому. Если бы онъ хотѣлъ дать читателямъ „Миссіонерскаго обозрѣнія“ вѣрное понятіе о моей статьѣ, онъ могъ бы привести нѣсколько такихъ выдержекъ, а особенно заключительный выводъ статьи (іюнь, стр. 218): „Такъ какъ вѣрующіе воскреснутъ не каждый самъ по себѣ, а какъ сыны царства по закону органической связи людей между собою, то воскресшіе будутъ не только живы для Бога (т. е. безсмертны), но будутъ реальны другъ для друга, т. е. (собственно) воскреснутъ въ нѣкоторой тѣлесности (*ὄψια πνευματικῶν*), воскресеніе будетъ всеобщимъ, равнымъ образомъ объективно всеобщимъ будетъ судъ надъ ними, объективною будетъ парусія Христа... И такъ воскресеніе изъ мертвыхъ составляетъ самое основное христіанское чаяніе.“

Вотъ изъ этихъ *своихъ* словъ я отвѣчаю за каждый звукъ, съ *своими* словами я готовъ предстать на судъ собора, ибо вѣрую, что мое исповѣдываніе вполнѣ *православно*.

Что же прот. Лаврскій? Онъ находчивъ. Приведа выдержку изъ моей статьи, онъ продолжаетъ: „что такое хочеть г. Гарѣевъ сказать этимъ прибавленьемъ: если только этому слову придавать реальное значеніе? Вѣроятно, слѣдующее“ (и т. д.). Прот. Лаврскій находитъ возможнымъ и въ этомъ случаѣ вложить въ мои слова свой смыслъ, дать имъ свое толкованіе. Но зачѣмъ же? Вѣдь у меня же мои слова объяснены. Буквально я писалъ такъ: „Наша проблема не метафизическая; а нравственная, и мы всего менѣе расположены вступать въ состязаніе о словахъ. насъ не привлекаетъ метафизическое изслѣдованіе „духовнаго тѣла,“ такъ какъ несомнѣнно, что оно не будетъ имѣть въ себѣ ничего матеріальнаго, если только этому слову придавать реальное значеніе,—наша жизнь за гробомъ не будетъ имѣть матеріальнаго содержанія, ибо въ воскресеніи ни женятся, ни выходятъ замужъ, но пребываютъ какъ ангелы Божіи на небесахъ (Мѣ XXII, 30 пар.), такъ что плоть и кровь не переступятъ за предѣлы гроба, въ которомъ будетъ уничтожено чрево (1 Кор. VI, 13; XV, 50).“ Можно ли говорить яснѣе того, какъ

я говорю? Было ли достаточное основаніе прот. Лаврскому прервать мою выдержку именно тамъ, гдѣ начинается объясненіе, и спрашивать: что хочетъ сказать г. Тарѣвъ? Но этого мало. Вслѣдъ за приведенными словами я дѣлаю обширное подстрочное примѣчаніе въ объясненіе того же слова. Въ этомъ примѣчаніи я между прочимъ пишу (стр. 24): „Если матеріальность нашего загробнаго тѣлеснаго существованія утверждается лишь по сущности ограниченного бытія, т. е. не болѣе для воскресшихъ людей, чѣмъ для ангеловъ, которыхъ мы не называемъ матеріальными существами, если загробная матеріальность не будетъ сопровождаться земною стнхійностью, если тамъ не будетъ ни физическихъ отправления тѣла, ни физическаго страха и удовольствія, если тамъ не будетъ матеріальныхъ цѣнностей, если наше тѣло будетъ одухотворено; то очевидно, это будетъ матеріальность духовная, нематеріальная, т. е. нѣчто такое, что лишено всякаго реального значенія и даже логическаго смысла. Каждое метафизическое понятіе только въ томъ случаѣ не бываетъ пустымъ звукомъ или простою логическою формулою, если оно можетъ быть въ дальнѣйшемъ или ближайшемъ сведено къ нашему субъективному опыту. Такъ обр. понятіе матеріальной жизни всецѣло образуется опытомъ нашей матеріальной жизни и, если устраняются всѣ дѣйствительныя черты этого опыта, то отъ матеріальной жизни останется одинъ пустой звукъ.“ Въ виду этихъ подробныхъ объясненій зачѣмъ же понадобилось прот. Лаврскому давать собственное „вѣроятное“ объясненіе моимъ словамъ? У меня мысль въ высшей степени ясная. Кромѣ метафизическаго значенія, слово матеріальный имѣетъ значеніе жизненно-этическое. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ жить матеріально-тѣлесною жизнью значить пить, ѣсть, жениться, торговать и пр. Такъ какъ въ этомъ смыслѣ наша загробная жизнь не будетъ матеріальною, то я не интересуюсь тѣмъ, можно ли назвать наше тѣло по воскресеніи матеріальнымъ въ метафизическомъ смыслѣ.

На стр. 774 критикъ пишетъ: „Итакъ, абсолютной безтѣлесности человѣка по воскресеніи допустить нельзя, а утверждать (абсолютную) нематеріальность воскресшаго тѣла возможно? Дѣйствительно, это было бы что то похоже на состязаніе о словахъ“.

Вполнѣ вѣрю, что критикъ откровенно не понимаетъ, какъ это греч. *σωμα*, переводимое по-русски словомъ тѣло, и допускающее сочетаніе „духовное тѣло“, можетъ быть нематериально.... Но что же я могу подѣлать съ этимъ непониманіемъ критика? Могу только искренно посовѣтовать ему подумать, поучиться, въ частности справиться въ комментаріяхъ и словаряхъ съ значеніемъ гр. *σωμα*. Изъ русскихъ книгъ могу назвать ему Прав. Соб. 1902 г., окт., стр. 514—516, гдѣ дается объясненіе гр. слова проф. Несмѣловымъ.

По словамъ прот. Лаврскаго, я утверждаю, что Христосъ „воскресъ *только* духовно“ (см. стр. 772, 773, 776). Уже одно то, что критикъ нѣсколько разъ повторяетъ это изреченіе, показываетъ, что оно составляетъ гвоздь въ рѣзкомъ обвиненіи прот. Лаврскаго. И вотъ представьте себѣ, читатель, во всей моей обширной статьѣ о воскресеніи нѣтъ такого выраженія: „Христосъ воскресъ *только* духовно“. Я раскрываю „мысль о духовности, или духовной тѣлесности, воскресшаго Христа“; я писалъ: „Христосъ воскресъ духовно“ (стр. 18). Критикъ, излагая мою статью, добавляетъ отъ себя въ основную формулу лишь одно лишнее слово. Ужели это важно? Да, важно, одно такое слово можетъ измѣнить весь смыслъ формулы. Мой критикъ, кромѣ доходовъ по церкви, вѣроятно получаетъ еще жалованье какъ законоучитель прогимназіи и приходской школы. Что онъ почувствуетъ, если ему скажутъ: „отнынѣ вы будете получать жалованье *только* по школѣ“? Что можетъ быть законнѣе требованія, чтобы критикъ вѣрно передавалъ слова автора? Но этого такъ трудно добиться. Всего лишь въ послѣдней книжкѣ нашего журнала я писалъ: „самое величайшее затрудненіе въ литературной полемикѣ происходитъ отъ неточности критиковъ и референтовъ при передачѣ авторскихъ мыслей. Обычно критикъ сначала исказить авторскую мысль до предѣловъ нелѣпости, и потомъ, подобно Донъ Кихоту, сражается съ мельницей, съ искаженной мыслью, воображая, что одерживаетъ побѣды. Приѣмъ самый употребительный, но неприглядный“ (стр. 141—142). И вотъ приходится повторять это снова и снова. Если сказать, что Христосъ воскресъ духовно, то это значитъ лишь повторить слова апостола: Христосъ ожилъ духомъ (1 Пет. III, 18). А сказать: Христосъ воскресъ только духовно, это значитъ высказать

мысль несостоятельную. Критикъ дѣлаетъ выгодную для себя, но недобросовѣстную подтасовку моихъ словъ. Но дѣло не въ одномъ лишь формальномъ нарушеніи законнаго требованія быть точнымъ при передачѣ чужихъ мыслей, но и по существу, критикъ, вставивъ это словечко въ мою формулу, искажилъ мою мысль. Я именно не могъ сказать, что Христосъ воскресъ *только* духовно. Сказать такъ, значить подразумѣвать: а не тѣлесно. Но я не только говорилъ „о духовности, или духовной тѣлесности, Воскресшаго“ (стр. 18),—я нарочито разъяснялъ, что „открывшійся въ воскресеніи Христа духъ есть божественный духъ, божественное начало жизни, а не духовное въ отличіе отъ чувственнаго“ (стр. 19). Поэтому я дальше писалъ: „Фактъ воскресенія Христа утверждаетъ духовность Христа въ противоположность непосредственно и прямо не душевно-тѣлесной жизни, тѣмъ менѣе въ сообразность съ нею, а въ прямую противоположность плотскому, человѣческому направленію жизни... Наша душевно-тѣлесная условность не затрогивается непосредственно идеєю воскресенія Христова“ (стр. 21) и т. д. Очевидно, протоіерей В. Лаврскій рѣшительно не понимаетъ, о чемъ я говорю. Я вѣрю въ искренность его негодованія, но не желаю, чтобы моя репутація страдала отъ его недомыслия.

Изложивъ такимъ то образомъ мою статью, прот. Лаврскій приступаетъ къ ея критикѣ. Онъ приводитъ мои слова: „повѣствованія четырехъ евангелистовъ о воскресеніи Христа принадлежать къ числу тѣхъ евангельскихъ сказаній, которыя почти невозможно привести къ единству въ подробностяхъ“. Прот. Лаврскій на десяти страницахъ дѣлаетъ опытъ „сведенія къ единству“ евангельскихъ сказаній. И вотъ его послѣдній результатъ: легко привести къ единству евангельскія сказанія, если опустить одно изъ явленій Господа по воскресеніи (783—784)...

На такое возраженіе я могу только пожать плечами....

На стр. 771 прот. Лаврскій пишетъ: „тамъ, гдѣ дѣло идетъ о выводахъ изъ понятія о воскресеніи Христовомъ, г. Тарѣевъ указываетъ много цитатъ и приводитъ дословныя выписки изъ современныхъ богословскихъ писателей, чтобы его не могли обвинить въ переименованіи чужихъ мыслей. Къ сожалѣнію, онъ не сдѣлалъ того же при изложеніи самаго основанія этихъ выводовъ“.

Это—клевета.

Анализъ евангельскихъ повѣствованій о воскресеніи у меня изложенъ на стр. 27 — 45=18<sup>1</sup>/<sub>2</sub> стр. Изъ нихъ представляютъ изъ себя буквальные выдержки стр. 31, 32, 33 и половина 34-й изъ М. Филарета, Теофилакта, проф. Муретова; большая половина 35-й стр. изъ Златоустаго; почти вся 36 изъ Теофилакта, 37 и 38 громадная выдержка изъ проф. Муретова (и В. Соловьева); на 40 стр. большая цитата изъ Златоустаго. Итого, не менѣе  $\frac{1}{3}$  буквальныхъ выдержекъ изъ авторитетовъ.

Только необычайная важность предмета и необходимость соблюдать наивозможную осторожность въ выраженіяхъ заставили меня быть столь внимательнымъ къ авторитетамъ. Я смѣло могу сказать, что въ моей статьѣ нѣтъ ни одного характернаго выраженія, которое не было бы повтореніемъ или слова Божія (таковы: Христось воскресъ духовно 1 Пет. III, 18, или въ духовномъ тѣлѣ 1 Кор. XV, 44) или святоотеческаго языка (таковы: тѣло Воскресшаго было чуждо всякой матеріальности, или вещественной грубости, дебелости стр. 34. 35)... Поэтому, кто не соглашается съ моимъ изложеніемъ новозавѣтнаго ученія, тому необходимо столкнуться съ тѣми авторитетами, на которые я опираюсь. Любопытно, что прот. Лаврскій не останавливается предъ этимъ. Я объясняю Ин. XX, 20 („увидѣлъ и увѣровалъ“) словами М. М. Филарета. Прот. Лаврскій, не соглашаясь съ моимъ объясненіемъ, полемизируетъ съ М. Филаретомъ. Не обходится при этомъ безъ курьезовъ. Предъ тѣмъ, въ оправданіе своего предположенія о необходимости исключить изъ числа явленій воскресшаго Господа явленіе Его женамъ, возвращавшимся отъ гроба, прот. Лаврскій сослался на „благоговѣйнѣйшаго истолкователя Писаній, преосвященнаго Теофана“, многозначительно добавивъ: „его никто уже безъ сомнѣнія, не заподозритъ и не обвинитъ въ недостаткѣ вѣры“ (784 стр.). Но пять страницъ ниже, прот. Лаврскій полемизируетъ и съ „синодальнымъ переводомъ“ и съ объясненіемъ М. Филарета (стр. 789—790), очевидно допуская возможность обвинить автора катихизиса въ недостаткѣ вѣры.

Ну, разумѣется, съ такими приемами можно писать, что угодно (только цѣна такимъ писаніямъ мѣдный грошъ).



Но дѣло не въ этихъ частностяхъ, а въ общемъ духѣ статьи. Протоіерей Лаврскій обвиняетъ меня въ томъ, что я отрицаю „дѣйствительность Христова воскресенія“ и „представляю воскресеніе Христова и наше только кажущимся, мнимымъ“.

На сіе во всеуслышаніе отвѣчаю, что я *никогда и нигдѣ не называлъ воскресенія только кажущимся, мнимымъ. Это обвиненіе чистая клевета.*

Я представляю воскресеніе дѣйствительнымъ и говорю, что Христосъ воскресъ и мы воскреснемъ въ духовномъ тѣлѣ.

Чтобы оцѣнить это ученіе съ православной точки зрѣнія, обратимся къ православному ученію.

Въ прав. катихизисѣ мы читаемъ: „Воскресеніе мертвыхъ есть дѣйствіе всемогущества Божія, по которому всѣ тѣла умершихъ челоуѣковъ, соединясь опять съ ихъ душами, оживутъ и *будутъ духовны* и безсмертны“.

Въ прав. Исповѣданіи каѳ. и ап. ц. восточной: „Тѣло будетъ прославленное, безсмертное, нетлѣнное, не будетъ требовать пищи и питія; *будетъ подобно духу*“.

Пр.—догм. богословіе М. Макарія: „Воскресшія тѣла будутъ *духовны, въ противоположность нынѣшнему грубо вещественному тѣлу, сдѣлаются непрічастными тѣлеснымъ потребностямъ, подобно душамъ безплотнымъ—ангеламъ*“.

Вотъ ученіе, которому я буквально слѣдую, а мнѣніе протоіерея Лаврскаго о матеріальности воскресшихъ тѣлъ, столь сродное новопутейскимъ фантазіямъ, вмѣняю въ ничто.

*Проф. М. Таръевъ.*

---